

**П**О настойчивому зуммеру секретаря директора киностудии «Ленфильм» сразу поняла, что вызывает междугородная. Звонил Гиндин из Махачкалы.

А через десять минут в кабинете директора студии Киселева собрались руководящие работники студии. Киселев был краток:

— Товарищи, в Дагестане в ауле Чиркей во время съемок «Прорабского участка» произошло несчастье. Один наш работник... Короче говоря, завтра вылетит комиссия, во всем разберется на месте. Владимир Петрович, кем у нас числится Болобохин?

— Старшим администратором картины...

## Необычный администратор

**Н**А студия говорили, что этого чудака откопал где-то директор картины «Исгудил Хламида» Гуров. Поначалу казалось, что в суматошных помещениях «Ленфильма» худенький, небольшого роста паренек с реденькой бородкой не сможет «прижиться». Застенчивый, чересчур деликатный в выражениях — трудно было представить человека, к которому бы так не подходило понятие «администратор». Администратор картины — это человек, отвечающий ежедневно за тысячу мелочей, начиная от электророзеток и транспорта и кончая обедом для съемочной группы, это человек, который первым приезжает на съемочную площадку и уезжает последним, человек, о котором вспоминают, когда что-то не ладится, и забывают, когда все идет хорошо. Одним словом, незавидная должность. Ее, как правило, занимают люди «пробитные», умеющие и кулаком по столу ударить, и крепким словом разрядить назревающий конфликт. И вдруг — администратор деликатный...

Болобохин завел блокнот, куда записывал дела, запланированные на сутки. Случалось, целыми днями звонил по телефону, чтобы договориться со с директором завода, со вертолечниками, со с железнодорожниками. И все без надрыва, без крика, как нередко случалось у других администраторов.

Другое было. Когда заболела звукооператор Волохова. Болобохин, который к тому времени работал на студии всего несколько месяцев, вызвался отзвонить ей зарплату. Анна Исаковна растрогалась до слез. В другой раз в семье одного режиссера случилась беда. И слова первым, кто пошел на помощь, был Володя. Как-то очень быстро он стал в группе необходимых человеком. Художник и оператор пригласили его осмотреть натуру, а режиссер интересовался его мнением после просмотра отснятого материала. Почему? Володя трезво оценивал достоинства и недостатки «скусов», обнаруживал вкус художника.

## Свой театр

**У** него было две Камчатки. Одна — изрезанный сопками краешек советской земли, на котором стоит город его юности — Петропавловск. Другая «камчатка» — в классе. Он сидел на самой последней парте, потому что считался несправимо дерзким мальчишкой.

Но его «режиссерский авторитет» в школе был непререкаем. Он поставил здесь пьесу «Мальчишки 17-ти лет». За несколько ночей перекроил почти весь текст. А потом во время репетиций спорил так, что голоса срывались. День премьеры уже объявили, а декорации еще не было. Ребята повесили носы, и кто-то сказал, что все пропало. Тогда слово взял Болобохин:

— Мы должны свои недостатки обращать в достоинства. Будем играть на столах.

И они во время спектакля бегали по партам, а зал служил продолжением сцены. Зрители аплодировали. Вообще-то вихрастый режиссер прощал зрителям любые выходки. Устами Нины в своей пьесе «Бич» Володя сказал: «...Мы хотим видеть вас не как зрителя, а как участников представления. Делайте, что хотите, смейтесь, плачьте, захотите — выходите на сцену!»

В Петропавловском областном драматическом театре Володя был одно время помощником режиссера. Потому ему

разрешили выступать в амплуа тревисти. Он играл мальчишек, а мечтал о настоящем театре.

Его мечта сбылась через несколько лет, когда он стал студентом режиссерского факультета Белорусского государственного театрально-художественного института. В Минске пролетел слух о том, что театральной студии «Юность» при клубе железнодорожников имени Ильича сделан «потрясающий» спектакль. Говорили о пьесе, которую написал и поставил на клубной сцене студент Болобохин. Мнения о спектакле были разные. Но все сошлись на одном — он сделан ярко, необычно.

Володя увлек «своим театром» студентов разных вузов, служащих, рабочих. Имен можно перечислить немало — Алла Полухина, Валерий Шушкевич, Георгий Маяжский, Николай Кириченко, Александр Азанов... Они работают сейчас в разных театрах страны. А все начинали

дарил жениху полуботинки, только что купленные для себя...

Болобохиным удалось снять комнатушку неподалеку от Ленинграда — в Левашове. Перво-наперво Володя направился в Левашовский Дом культуры и взялся руководить захиревшей театральной студией. До этого ученики лишь разучивали здесь стихи. Болобохин явился со сверкающими глазами и первое, что сказал: «Будем ставить спектакль». Потом привел к ребятам «настоящих» артистов, поэтов. Левашовские школьники его полюбили. После занятий часто провожали к дому, заходили к нему на минутку, а засиживались часами.

Однажды директор Дома культуры обнаружил в комнате, где занимались студийцы, сломанный стул. Девчонки клялись, что к этому не имеют никакого отношения, но в следующий раз в комнату их не пустили. Отменять занятия было

док дню: днем — учеба в институте, вечером — занятие в студии, ночью — работа дома. И лишь под утро — несколько часов сна. В Ленинграде учебу заменила работа на «Ленфильме», а все остальное расписание осталось прежним.

Он мог вынашивать сценарий в голове много месяцев, даже несколько лет. А потом за пару недель изложить на бумаге. Друзья хвалили. Но он сам начинал придирается к каждому слову. Так было и с его «Микеланджело». Только пятый вариант он считал удовлетворительным.

Я не литературный критик и поэтому не берусь разбирать художественные достоинства этой рукописи. Скажу только, что прочел я ее не отрываясь. И даже потом, через несколько недель, «ловил себя на том, что мысленно возвращаюсь ко многим сценам».

Вместе с приятелями Болобохина мы разбирали три Володиных чмождана, забытые рукописями. Написано много. Вот рассказ «Наташа», который он представлял на суд приемной комиссии ВГНКА, вот сценарий о своей «Юности»... Мы нашли немало несомненно интересных: «Джон Рид», «Сверстники», «Парижская коммуна».

Володя очень строго оценивал, в чем пробовал себя. Но когда кончал писать «Парижскую коммуналку», он делал смешной жест и сказал: «На этот раз я перед собой снимаю шляпу».

Для своих сценариев он выбирал героев с сильными характерами, людей мужественных, незаурядных, выдающихся. Кроме Джона Рида и Микеланджело, он пытался нарисовать образы Маркса, Ленина. Планов было много. «Я должен обязательно написать о Маяковском, Герцене, Врубеле, Бальзаке, Хемингуэе...» — говорил он. Мы нашли наброски будущих пьес — мелкие, словно бисер, буквы, наизобранные на разлиновку листов...

Володя всего раз решился показать редакторам один из своих сценариев. Это было на Ленинградской студии телевидения. Работа Болобохина понравилась. После поездки Володи в Дагестан должны были начаться переговоры о постановке.

## Мгновение жизни

**Г**ОРЦЫ считают, что красивее Чиркейского ущелья нет на земле другого места. Это там бурная Сулак пенится и шумит над обрывом. По отвесной горной стене карабкаются вверх каменные хижинки седого аула Чиркей. Более полтысячи лет прошло с тех пор, как в этом месте первая сакля взобралась на плечи другой. А теперь их вон сколько! Уступами прилепились к скале, словно гнезда ласточек. Вереницей тянутся стройные горянки с серебряными кувшинами на плечах к хрустальной воде чиркейского родника. Шумит водопад.

Не первый день в Чиркее работает группа кинематографистов из Ленинграда. Вот и сейчас снова начнутся съемки на каменном плато. Человек сто горцев — женщины, старики, дети — уже собрались для участия в массовых сценах. Операторы настраивают аппаратуру. Старший администратор картины Болобохин, сидя возле машин, заполняет документы...

И вдруг — женский крик. Повторенный десятками голосов, он превратился то ли в нечеловеческий стон, то ли вопль. Что же это? Беда: пустой автобус, что стоял на краю обрыва, двинулся по склону прямо на толпу горцев. А те оценили от страха...

Мелькнула рубашка Володи: обогнав автобус, он расталкивал взрослых, отшвыривал в стороны детей. Он что-то кричал, и люди очнулись от этого крика, образовали коридор, насколько это позволяла узкая площадка.

Но автобус неожиданно круто повернул влево и помчался к арыку. По мостику шла женщина. Еще мгновение и...

Он успел оттолкнуть ее в сторону, а сам... Сам остался лежать на краю арыка: автобус ударил его в грудь...

У врача не хватило духа вытиснуть из палаты во двор к жене Болобохина. Пошел парторг съемочной группы. Он взял ее за плечи:

— Володя совершил подвиг... Будьте мужественны...

С. МАРАКУЛИН.

# «...СЦЕНАРИЙ ВЛАДИМИРА БОЛОБОХИНА»

с того, что при поступлении в студию «Юность» писали сочинение на тему «Как я понимаю театр». Режиссер хотел знать, с кем ему придется иметь дело...

Володины спектакли отличались тем, что у него на сцене жизнь бурлила, заставляла переживать, думать, видеть обычные явления под новым углом зрения. Болобохин, кроме своей пьесы, поставил в клубе железнодорожников «АБВГД» Розова, «Гамлета» Шекспира, «Страх и отчаяние третьей империи» Брехта, «Баню» Маяковского, «Антигону» Жана Ануя, «Жизнь насекомых» Чапека. «Юность» давала представления в школах, дворце пионеров, институтах, выезжала в районы. Разумеется, плату со зрителей не брали. А сам режиссер частенько ложился спать голодным.

После каждого спектакля «Юности» было немало разговоров. Особенно много толков вызвала в институте «Баня». Одни выступали «за», другие — «против». Народная артистка РСФСР, профессор Вера Павловна Редких сказала: «Очень интересная работа, мы увидели немало режиссерских находок. У студии бывают неудачи, но не это главное. Надо обратить внимание на лучшее...»

Когда до госэкзаменов оставался месяц, Болобохина отчислили из института за неуспеваемость. Все вышло ужасно глупо: нагрубил преподавателя, а потом «из принципа» отказался ликвидировать несколько «хвостов». Сказал: «Диплом — это не самое главное в жизни» — и уехал на родину, в Пензу. Работал в театре, на телестудии, со студентами педагогического института поставил два спектакля.

А потом поехал погостить к другу в Ленинград и... остался здесь навсегда. Он влюбился отчаянно, без оглядки. Студийцы из Минска решили вылететь на свадьбу самолетом. Взяли с собой оркестр, но 36 часов просидели в аэропорту — была нелетная погода. И все же кое-кто сумел попасть на свадьбу. Слава Кокорин, студент Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, по-

не в характере Болобохина. Репетиция состоялась... на цементном полу в раздевалке. На прощанье он сказал: «Обойдемся без грима. Будем играть с открытыми лицами».

Он занимался с ребятами одну зиму. Разучили сцены из «Ревизора», «Мертвых душ» и «Недоросля», подготовили вечер о Парижской коммуне, поставили спектакль по пьесе Доллиной «Они и мы».

Володя мечтал создать в Левашове молодежный театр, но вынужден был оставить Дом культуры — поступил на «Ленфильм». Хотел быть ближе к кино. У него уже было написано несколько сценариев. Еще больше их оставалось в голове. Одним словом, «грандиозные планы».

## Все то, что начиналось...

**Ч**ИТАЛ он много, запоем. Некоторые сверстники обижались на себя, что еще успеют «додумать» по интеллекту. Какие там! Они читали одну книгу, он успевал «проглатывать» три, а то и пять.

В Ленинграде Болобохин по-серьезному взялся за Маркса — с упованием изучал его труды по эстетике. А в Минске, когда заболел и попал в больницу, попросил принести несколько томов из собрания Сочинений Ленина. Читал не для экзаменов — для себя.

Еще на Камчатке он приучил себя серьезно работать с книгой: делал выписки. А как же иначе, ведь он собирался стать драматургом. Учился в школе, несколько лет писал свою первую пьесу «Бич». Она рассказывала о жизни школьников и была, как все суждения Болобохина-подростка, резкой, категоричной и в то же время по-детски наивной. И все же это очень любопытная вещь с точки зрения оригинальности авторского мышления. К тому же в ней есть места, чтение которых доставляет истинное удовольствие.

Первая пьеса была лишь пробой пера. Со временем Болобохин отчетливо увидел ее недостатки. II, может быть, это помогло ему более критично отнестись к себе. Сокурсники в институте заметили, что со временем в его суждениях стала исчезать категоричность, его взгляд на людей, на жизнь становился более широким. Теперь, когда спорили несколько человек, он мог долго молчать.

Задумав написать сценарий, Володя буквально закапывался в книги. Он был записан одновременно в восьми библиотеках. Немало литературы покупал в магазинах, брал книги «на ночь» у знакомых. В Минске у него был такой распор-